

Званская» есть строчки «мой утренний дух Правителю Вселенной». Это из знаменитого песнопения «Милосердия двери отверзи нам...». Впоследствии другую покаянную молитву, читаемую также Великим постом, излагал рифмами Пушкин. Теперь мы начинаем снова творить в том направлении...

Прозаик Андрей Битов рассказывал, что собирает последние слова русских сочинителей. Державин готовился к ним как будто заранее. Сперва он, обращаясь к владыке Евгению, сказал:

*О мой Евгений! Коля Нарциссом
Тобой я чтусь — скалой мне будь.
И как накроюсь кипарисом,
О мне твердить не позабудь.*

*Пусть лирой я, а ты трубою
Играя, будем жить с тобою...*

В рабочем его кабинете висела аллегорическая картина «Река времен»; выполненная позабытым ныне немецким учителем из Кенигсберга. В послании является именно по ее поводу:

*Иль в зеркало времен, качая головой
На страсти, на дела зрю древних,
новых веков...*

Наконец в час смертный остается на столе грифельная доска с начальными строками оды:

*Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы —
То вечности жерлом поглотится
И общей не уйдет судьбы.*

Доска хранится в Императорской библиотеке на Невском.

Читая книги дочери византийского императора Алексея Комнина Анны «Алексиада», на самых первых строках — почти что дословно те же слова:

*Поток времени в своем неудержимом
и вечном течении*

*Влечет за собою все сущее.
Он ввергает в пучину забвенья
Как незначительные события,
так и великие.*

*Однако историческое повествование
служит надежной защитой
И не дает ему погибнуть*

в глубинах забвенья.

Может ли это быть совпадением?

Может. Хотя перевод сочинения византийской принцессы существовал до самой смерти Державина только на тех языках, которых он не ведал (свободно владея лишь немецким). Да и в перечне книг библиотеки, сохранившемся в «Публичке», «Алексиада» отсутствует.

А не рассказал ли про то знаток древностей владыка своему собеседнику? Державин же вместо завешания оставил эти строки. Они почти что стерлись с грифельной доски в здании на Невском. Тем паче, что на Волхове им не было помещения — на Званке спустя пять лет по смерти хозяина была построена церковь Воскресения Словущего. Потом монастырь, названный «Женский Афон».

Теперь от державинского имени — как и от соседнего аракеевского Грузина — не осталось и крыши. Но, как пишет наш бывший соотечественник Альтшуллер, когда за смертью Державина перестала заседать всеми хулимая «Беседа», следом «распался и «Арзамас», утративший смысл своего существования».

Дом на Фонтанке испакощен. Званка по сю пору набита не судом брошенных костылей русских воинов последней войны. В нынешнем году ЮНЕСКО празднует двухсотпятидесятилетие со дня рождения русского поэта, чья ода «Бог» была переведена еще при жизни на десятки языков и висела даже в покоех японского императора. Наше же сегодняшнее худое начальство в честь юбилея... пообещало разминировать Званку.

В послании к владыке Евгению Болховитинову он прозорливо сказал:

*Разрушится сей дом, засохнет дом и сад
— но добавил при том:*

*Иль нет, Евгений...
ты, отец, святым твоим жезлом...*

Прогонись — бедну зависть — в бездны: Тут-то, наконец, и зазвучало продолжение «Реки времен». А для сомневающийся и любящих дотошность добавим цитату из газеты: «В старинном имени Державино Оренбуржья зарегистрирована православная община, которой передана церковь, построенная в 1798 году Г. Р. Державиным».

У меня же сохранилось еще наглядное пособие: камень от званского монастыря и гильза, первой попавшаяся на руки в месте встречи поэта и митрополита.

Рюрик Ивнев и другие

Стояла очередная весна. Солнце припекало сквозь закрытое окно кухни. Попив чаю, мы с наслаждением курили. Рюрик Александрович еще не истратил свой запас сигарет с ментолом, которые уже исчезли из продажи, я попыхивал трубкой, набитой «Золотым руном». Он сидел ко мне в профиль, шурясь от солнечных лучей и голубых разводов табачного дыма. Бровастый и большеносый, он напоминал дремлющую птицу. Я почему-то вспомнил одно позднее стихотворение Георгия Иванова и прочел его вслух. Прекрасные стихи! — воскликнул Ивнев. — Только чьи же?

Я назвал. Рюрик Александрович какое-то мгновение сидел молча. Потом стукнул ладонью по столу, так что подпрыгнуло блюдо.

— Никаких правил нет! Кто бы мог подумать, что из светского говоруна выйдет поэт такой силы? И это в эмиграции. А другие — куда не уезжали, считались талантами и ничем не стали или превратились в чинуш... Нет для поэта правил!..

В одну из последующих наших бесед Рюрик Александрович сказал значительно:

— Порой судьба посылает испытание, от которого зависит ваша дальнейшая жизнь.

Я ждал продолжения. И оно последовало.

— В трудное для нашей семьи время мама задумала отдать меня на воспитание к кому-нибудь из богатых родственников. Было решено, что брат Коля останется с мамой, а меня повезли в Петербург. Повезли устраивать... Вам фамилия Набоковы что-нибудь говорит?

— Как! Вы в родстве с Набоковыми?

— Седьмая вода на киселе, но все-таки. Помню большой дом на Морской. Пришли мы с мамой... До переговоров взрослых меня провели в детскую, где познакомили с красивым мальчиком в матроске, Володей... Да-да, будущим знаменитым писателем... Я был старше, почти подросток, а ему лет шесть-семь. Но какое высокомерие! Он едва удостоил меня взглядом и продолжал рассматривать какой-то огромный альбом, держа его на коленях. Я что-то сказал, чтоб не сидеть молча, он не ответил и только скинул меня с головы до ног холодными не по-детски глазами... Я был оскорблен и тут же решил, что ни за что в этом доме, с этим гордецом не останусь... Когда наконец пришла мама, я схватил ее за руку, умоляя: «Мама! Уйдем отсюда! Прошу тебя, уйдем скорее!..». Она была удивлена, но, видя мое состояние, не стала настаивать. Мы простились... Вы понимаете: останься я в доме Набоковых — вся жизнь моя могла бы сложиться иначе.

— А потом вы встречались с Владимиром Владимировичем?

— Нет, по пословице «Бог миловал».

Разные люди прошли через ивневскую квартиру.

Матвей Ройзман оставлял для отзыва рукописи своих воспоминаний. В двадцатые годы числился он в «имажинистском молодняке» и выпустил книгу стихов «Хевронское вино». Когда он поднес ее Есенину, тот отстранил книгу рукой и, переставив порядок некоторых букв в заглавии, а другие не называя, скаламбурил: «Чтобы я потреблял х...е вино?!». Родитель Ройзмана заведовал

буфетом в кафе «Стоило Пегаса». Ему нравился интеллигентный Ивнев, он уговаривал его: «Рюрик Александрович! Вот вам свежий простокваш. Я всегда для вас держу свежий простокваш, научите только моего Мотьку писать стихов». Поэтом Матвей Ройзман не стал. Однако впоследствии выпустил в свет несколько милицейских романов. По его сценарию поставлен фильм «Дело № 306».

Встречал я у Рюрика Александровича англичанина Гордона Маквея, скрупулезно собиравшего материалы о Есенине. В «Оксфордских славянских записках» (1971) Г. Маквей опубликовал очерк «Черное и золотое: Поэзия Рюрика Ивнева». А в 1976 году на английском языке вышел толстый, щедро иллюстрированный том о Есенине («Ардис», США).

данно смягчали образы и краски Севера.

Я спросил:

— Виктор Михайлович, как вам удавалось писать т а м ?

— Писать?.. Стихи сочинялись в уме. Для стихов, в отличие от прозы, не обязательны карандаш и бумага. Переписал я их потом, когда появилась такая возможность.

И прибавил:

— Поэзия помогла мне выжить.

В это время в коридор, где происходил наш разговор, вышли на перекур человек пять работников издательства. Кто-то из них объявил:

— Видели последний «Огонек»? Там большая статья о Николае и любопытное фото.

Внезапно Виктор Михайлович сказал с печальной горделивостью:

ПРОМЕЛЬКИ

Помню визит Александра Эмилевича Мандельштама, принесшего с собой магнитофон для записи воспоминаний Рюрика Александровича об Осипе Мандельштаме.

Показывал мне Ивнев и книгу стихов и поэм Павла Васильева, которому он помог в начале творческого пути, с теплой надписью вдовы автора.

Ни письма читателей, ни запросы литературоведов не оставлял он без ответа. Был Рюрик Александрович из породы людей обязательных.

Только одна встреча

(Памяти Виктора Михайловича Василенко)
«Вы еще будете знамениты».

Эти слова Анны Ахматовой четверть века служили Виктору Михайловичу Василенко опорой в его поэтическом творчестве.

Познакомились мы в издательстве «Современник». Ему было уже за семьдесят. Он сильно горбился и ходил тяжело, опираясь на палку. Но, читая стихи, вскидывал крупную седовласую голову, и породистое, дворянское лицо его, иссеченное морщинами, приобретало подлинную значимость. Естественную горечь стихов лагерных лет неожиданно смягчали образы и краски Севера.

— А я встречался с Государем Императором.

Повисла пауза. Вежливое и недоверчивое внимание застыло на лицах.

— Мне было семь лет, — начал поэт рассказ, — когда мы с мамой летом поехали в Крым... Комнату мама сняла в Ливадии, неподалеку от дворца. При дворце был отличный парк, куда я бегал играть... Как-то раз я, увлеченный игрой, едва не столкнулся с человеком, идущим по аллее. Большую часть его лица покрывали аккуратная борода и усы, а одет он был в ослепительно белый мундир... Я смутился за свою неловкость и хотел уже убежать, но он обратился ко мне: «Здравствуй, мальчик! Как тебя зовут?». Я шаркнул ножкой, как меня учили: «Витя». «А где твоя мама?» — спросил он улыбаясь. «Там...»

— и я указал в сторону дома, где мы поселились. «И ты не боишься играть один?» — «Нет, не боюсь». — «А ты молодец! Приходи еще, играй...» Тут он достал из кармана большую плитку шоколада «Борман» и подал ее мне... Такого вкусного шоколада уже нет и никогда не будет!.. Но главное: я все еще не подозревал, с кем я говорю... Человек в белом мундире ушел, а меня окликнула какая-то незнакомая дама. Я приблизился. И она сказала мне внушительно: «Ты знаешь, мальчик, к т о з о был?.. Запомни — с тобой беседовал Государь Император!» Я побежал домой и обо всем рассказал маме.